

МАСТЕРА ЛЕНИНГРАДСКОЙ СЦЕНЫ

ЗРЕЛОСТЬ АКТЕРСКОЙ МЫСЛИ

ЗА ПОСЛЕДНИЕ годы Кирилл Лавров стал одним из самых популярных драматических актеров. Популярность, если понимать это слово в его исконном смысле, имеющем мало общего с легким и шумным успехом, лучшим образом выражает положение Лаврова в современном искусстве.

На сцене Большого драматического театра имени М. Горького Кирилл Лавров появился в период обновления этого коллектива, и, несомненно, встреча с режиссурой Товстоногова сыграла решающую роль в судьбе актера, в становлении его творческой личности. Кажется, совсем недавно Лавров с какой-то обезоруживающей свежестью сыграл своих замечательных парней — Славку в «Пяти вечерах» и Геннадия в «Поисках радости». То были дни, когда юношеская тема на время заняла весьма заметные позиции в искусстве. Героям Лаврова, с их угловатостью и прямоотой, довелось тогда сказать свое краткое, но веское слово. Таким было начало творческого пути актера и, к счастью, после него остановки не последовало: слишком интенсивной была жизнь Большого драматического в последние десятилетия, и Лаврову выпало не раз говорить от его лица.

Наверно, поэтому трудно зафиксировать момент, когда еще молодой актер становится по-настоящему зрелым, но эта зрелость, во всяком случае, не заставила себя ждать. И это тоже важный штрих творческой биографии, существенная черта художественной личности актера: в нем есть надежная устойчивость народного характера и есть подлинное стремление к истине. Это прекрасное сочетание определяет ведущие черты героев Лаврова в современном советском репертуаре. Они обязательно сопряжены трудностям и победам своего времени, они всегда добывают собственный хлеб познания жизни, который дается им отнюдь не легко. Но мужественная сдержанность героев Лаврова никогда не позволит им обнажить свои душевные сложности или, чего доброго, бравировать ими.

И чем скупее на слова, чем замкнутее бывает герой Лаврова, тем сильнее мы ощущаем напряженную работу его мысли и сердца. Свой подвижнический путь проходит Давыдов в «Поднятой целине». На этот образ легли ответы иных современных размышлений. Давыдов Лаврова менее всего чувствовал себя героем, вершащим историю. Он выбрал себе жизненный путь по велениям сердца, но они-то непременно пересекались с дорогами истории. Таков и капитан Синцов в фильме «Живые и мертвые» — обыкновенный честный человек на труднейшем историческом перекрестке. Актер передает крутую внутреннюю перестройку своего героя, встретившегося со всенародной бедой. Жесткий опыт войны отразился в чертах молодого, крепкого, но отягощенного суровыми думами лица. В Синцове нет удалой бодрости, но есть мужество, которого достанет на все годы испытаний.

Для биографии Лаврова очень существенна роль Платонова в «Океане» Штейна. Роль создана средствами почти аскетическими, но они раскрыли характер емкий и содержательный. Он не скажет лишней фразы, не сделает лишнего движения. Более того, в иные минуты лицо Платонова бывает непроницаемым и отчужденным. Но его молчание всегда наполнено острой пульсирующей мыслью. И есть в нем своя мужественная пригожесть и собранность. Даже морская форма сидит на нем удивительно ладно, но без всякого щегольства. Ничто не рассчитано на показ, все держится на спокойной внутренней силе. Платонов входит в спектакль человеком зрелым и волевым, твердо уверенным в основных ценностях жизни, входит с миссией открыть эти ценности для других.

Лавров может представлять от имени самой широкой зрительской аудитории. Не случайно в последней праздничной премьере — «Правду! Ничего, кроме правды!» Лавров, играя особую роль — лицо от театра, — воплощает в своем исполнении весь общественный темперамент этого спектакля.

В духовном мире героев Лаврова нет никакой избранныости, утонченности, но есть та сложность, которая определяет душевный опыт современного человека.

Все, что играет актер сегодня на

сцене театра, отмечено зрелостью идеи и мастерства.

Молчалин в «Горе от ума» явился едва ли не творческим откровением актера. Самым неожиданным в исполнении Лаврова был масштаб личности его героя. Молчалин оказывался сильным и страшным противником. Собственно, вся жизнь Молчалина — Лаврова — это ловко рассчитанный маневр, сорвавшийся на самой высокой точке. Но он отнюдь не бросит «штурмовать» новые вершины. Ему лишь понадобится некоторое время на перевооружение, но тактика, но средства достижения жизненных целей в его сознании не скомпрометировали себя. Как никто из героев спектакля, он далек в финале от жизненного краха. Удар не пришелся по его сердцу, потому что сердце менее всего участвовало в его крупной игре. И в этом умении не тратить себя, в умении действовать без душевных потерь тоже есть своя программа, свой дальновидный расчет. В чем, в чем, а здесь первенство Молчалина неоспоримое и полное.

В остром поединке, который возник на сцене Большого драматического театра, в поединке Чацкого — Юрского и Молчалина — Лаврова, было что-то от вечного, поистине классического спора двух человеческих психологий, двух символов веры.

В «Трех сестрах» Чехова Юрский и Лавров вновь встретились как партнеры и оппоненты: один играл Тузенбаха, другой — Соленого. Соленый переживает драму одиночества, драму неразделенной любви. По существу, и Тузенбах преуспел не многим более. Но у этих людей разная ставка в жизни. Раздумья Тузенбаха обращены к миру, он способен каждого понять и простить. Мысли Соленого сосредоточены на самом себе, он готов всему свету мстить за свое невезение. Но как бы ни были объективные проявления личности, в характерах своих героев Лавров всегда ищет крупное.

Мне довелось быть свидетелем спенического рождения спектакля, и, может быть, некоторые наблюдения, отдельные фрагменты процесса работы актера над ролью будут небезынтересны для читателя. Соленый Лаврова жил крайним напряжением чувств. Актер сопротивлялся всему, что снижало этот сильный, душевный накал Соленого. И вместе с тем он играл человека, который не мог вырваться из плена страшной внутренней скованности. Этот сложный переплет и рождал странные, порой нелепые выпады Соленого.

Ощущение загадочного и сложно-характера появилось уже на репетициях первого акта, даже в безмолвных местах роли. Режиссер делал Соленого свидетелем объяснения Ирины и Тузенбаха. Соленый вроде бы независимо прогуливался в глубине сцены. Но в подчеркнутых размеренных шагах и неожиданно резких поворотах читались смятение Соленого и его ревность. Как зверь в клетке, он ходил по гостиной, не выпуская из виду Ирину и Тузенбаха, и при этом делал вид, что их уединение его не касается.

А чего стоил его жест, когда он бережно и нежно держал в руках перчатку Ирины, которую он потом небрежно бросил, лишь только к нему подошел Тузенбах. Эта деталь, найденная актером, была красноречивым выражением состояния и характера его героя. Понятно поэтому, что Соленый у Лаврова не мог сразу перейти к нормальной человеческой беседе, которую ему предлагает Тузенбах. И если все же он одарит Тузенбаха минутой откровенности, то в сущности для того только, чтобы сообщить о своем сходстве с Лермонтовым. Это была провинциальная подделка под Лермонтова. Герой Лаврова словно бы постоянно носил маску бретера. Но под этой маской тревожно билось глубоко раненное сердце. И вдруг в сцене объяснения с Ириной его боль прорывалась самым неожиданным образом. Вернее, это произошло не вдруг. Поначалу Лавров вел сцену объяснения по прямой, в манере Соленого, в его обычном, несколько агрессивном тоне. Но Товстоногов предложил иной путь — обратный. Соленый неожиданно видит Ирину, она уходит от него. Оказалось, что он стоит спиной к ней, и, стоя так, он начинает говорить: «Давеча я вел себя недостаточно сдержанно, нетактично.

Кирилл ЛАВРОВ в роли капитана 3-го ранга Платонова в спектакле «Океан»

Но вы не такая, как все, вы высоки и чисты, вам видна правда... (голос актера зазвучал неестественно громко, на высоких саднящих нотах). Я люблю, глубоко, бесконечно люблю...» — здесь Соленый поворачивается и падает перед Ириной на колени. Ирина потрясена таким неожиданным всплеском чувств, но в ее глазах Соленый — Лавров не увидел ничего, кроме страха. Он тяжело встает с колен, устало кидается в кресло.

Режиссер подсказал актеру новое пластическое решение, и внутренний смысл сцены резко изменился. Здесь главным стала драма Соленого, который воздвиг такую стену между собой и другими, что его самый искренний порыв способен вызвать только отчуждение.

Лавров на репетициях бывал обычно немногословен, не всегда декларируя свои намерения, но шел к ним настойчиво и в контакте со всеми. У него прекрасное чувство ансамбля и точное понимание общей идеи.

В третьем действии у Соленого всего одна небольшая сцена. Он приходит в комнату Ольги и Ирины, где во время пожара собрались обитатели дома. Но именно его, Соленого, здесь видеть не хотят. Разве это не лишнее доказательство, что мир обратился против него?

Режиссер предложил выразить состояние Соленого через резкую разницу его внутренней и внешней жизни, и Лавров прекрасно схватил суть этой мысли. Соленый ходил по комнате вроде бы спокойно, а в репликах неожиданно для всех срывался: «Нет, мне положительно странно, почему это барону можно, а мне нельзя?» Он удалялся, уязвленный, аккумулируя в себе злобную энергию неудачника. Его сознание сосредоточивалось на маниакальной идее убийства Тузенбаха. Соленый видел запрятого врага в единственном человеке, который пытался по-человечески понять его.

И вот наступил роковой час ухода на дуэль. Соленый ждал его, готовился к нему. Следуя за текстом, можно было сыграть сцену как мрачное самоутверждение Соленого. Отчасти оно и сыграно актером, сыграна его торжественно-мрачная готовность к дуэли. Но не только это. Режиссер на минуту оставляет Соленого наедине с собой. Вдали слышатся голоса секундантов: вот она, близость дуэли. Соленый инстинктивно подался вперед, быстро смахнул слезу. Его слабость проявилась на один миг, но этот миг стоил многого. Привычная маска сброшена. Эта дуэль, к которой Соленый так отчаянно стремился, в глубине души страшит его. Но навязчивая идея, заполнявшая пустую жизнь Соленого, толкает его все-таки к убийству.

И, наконец, несколько слов о третьей роли Лаврова в классическом репертуаре. Признаться, после Соленого с некоторым усилием переключаешься на образ Нила в горьковских «Мешанах», столь противоположных они у Лаврова. После всех комплексов Соленого полная внутренняя свобода и раскованность Нила, которые вы ощущаете почти физически. Они, эти свойства, стали природой его существования, резко отделили его от обоих поколений Бессеменовых. Он живет в этом доме как представитель и вестник действительного иного мира, свободный и независимый от бессеменовских тягот, от груза их семейно-нравственных забот. Он живет по законам другого времени, других моральных категорий и чувствует завидный аппетит к жизни. А если в ней еще не все его устраивает, то он, во всяком случае, живет с чувством хозяина, убежденного в своей правоте.

Время для Кирилла Лаврова не проходило даром. Он многое успел. И тем не менее для итогов еще не пробил час. Заглянуть в будущее актера заманчиво. Но будущего не бывает без прошлого и настоящего. А в настоящем у Лаврова достойные работы, которые останутся серьезными вехами его творческой биографии.

Н. ПЛЯЦКОВСКАЯ